

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ пятнадцатый.

І Ю Л Ь.

1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: его рукопись изъ Рузницинского музея въ Москвѣ. Сообщ. П. Е. Якушкавъ	1	VII. Письма Дан. Вас. Давыдова къ А. М. и П. М. Языковымъ	131
II. Записки Густава фонъ-Штрандмана. Переводъ съ нѣмецк. рукописи. Сообщ. П. К. фонъ-Штрандманъ. 1771—1778 гг.	55	VIII. Война съ польскими интантинами 1831 г. въ перспектѣ инноватора Николая I съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ	149
III. Записки Д. М. Ростиславова, профес. свб. духовной академіи, о бѣдахъ духовенства. Гл. XVIII.	87	IX. Польское возстаніе въ 1830—1831 гг. Разсказъ Мохвицкаго. Переводъ съ польскаго.	157
IV. Д. В. Дашковъ и гр. Д. М. Хвостовъ въ Обществѣ любителей словесности, науки и художества въ 1812 г. Сообщ. профес. Н. С. Тихомирязевъ	105	X. Изъ исторіи полковника Мавказа Кабардинскій полкъ, 1726—1880 гг. Очеркъ ген.-лейт. П. П. Карцова	203
V. Николай Ивановичъ Губдичъ, 1784—1884 гг. Сообщ. С. Н. Пономаревъ	115	XI. Взвѣтныя отношенія Руси в Польшу до положенія XIV стол. Рѣчь Н. А. Ливиниченко въ Сиб. универ. 13 мая 1884 г.	215
VI. Памятъ Демѣтя Васильевича Давыдова. Сообщ. Н. Н. Божеряновъ	123	XII. Замѣтки: Нав. Мих. Краузинъ (114). — Ел. Ал. Арсенюва, бѣбка поэта Лермонтова (122) В. А. Жуковский (202)	
		XIII. Библиографическій списокъ.	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго Гравированъ Н. П. Митюшинымъ.

Вышло второе изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1884 г.

Подписка продолжается. Цѣна ДЕВЯТЬ рублей.

Подписчики получаютъ всѣ книги съ № 1-го, съ портретомъ А. С. Пушкина, отпечатаннымъ красками, а также съ прочими портретами русскихъ дѣятелей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Ектерининскій каналъ, д. № 79.

1884.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1884 г.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ НА КАВКАЗЪ

въ 1837 г.

I.

Императоръ Николай въ Геленджикѣ.—Посѣщеніе ген. Штейбе и лазаретовъ.—
Пожаръ.—Смотръ войскамъ.—Посѣщеніе Анапы.—Возвращеніе въ Крымъ.—
Отплытіе въ Редутъ-кале.

Въ лѣтописяхъ русскаго владычества на Кавказѣ есть событія, которыя прошли будто незамѣченными не смотря на несомнѣнную историческую ихъ важность и значеніе. Къ такимъ событіямъ отнесется, между прочимъ, повѣдка императора Николая на Кавказъ, предпринятая ровно 115 лѣтъ спустя послѣ похода Петра Великаго въ Дагестанъ. Это былъ другой вѣнценосецъ Россіи, ступившій на кавказскую почву и на этотъ разъ не со стороны Каспія, а с.-в. берега Чернаго моря, гдѣ война наша съ черкесами была въ полномъ разгарѣ.

Слѣдуя изъ Крыма, императоръ Николай, сопровождаемый наследникомъ-цесаревичемъ, высадился 20-го сентября 1837 года въ Геленджикѣ, гдѣ остановился въ комендантскомъ домѣ. Послѣ непродолжительнаго отдыха и послѣдовавшаго за нимъ пріема командующаго войсками на кавказской линіи, ген.-лейт. Алексѣя Александровича Вельяминова, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, государь отправился къ ген.-маіору Штейбе, смертельно раненому въ бывшей наканунѣ экспедиціи. Искреннее участіе, оказанное страдалцу и пожалованіе ему 3 т. червонцевъ, само собою не могли предупредить печальнаго исхода болѣзни, но тѣмъ не менѣе краснорѣчиво свидѣтельствовали о той горячей любви, которою всегда отличался императоръ Николай къ войску. То же монаршее благоволеніе было оказано, при посѣщеніи баталіонныхъ лазаретовъ, раненымъ нижнимъ чинамъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ были положены на грудь георгіевскіе кресты.

На слѣдующій день былъ назначенъ высочайшій смотръ войскамъ какъ Геленджикскаго гарнизона, такъ и прибывшимъ туда еще 7-го сентября 1837 г. изъ Ново-тронцкаго укрѣпленія. Они были расположены въ двухъ верстахъ отъ крѣпости, гдѣ кромѣ великолѣпной палатки, подбитой бѣлымъ сукномъ съ золотыми украшеніями, заготовили блистательный фейерверкъ — словомъ, устроили все для торжественнаго приѣма царственнаго путешественника. Къ сожалѣнію, приѣмъ не удался, такъ какъ с.-в. вѣтеръ, поднявшійся еще 19 числа, до того усилился, что не только разметалъ палатки, но опрокинулъ поставленныя въ козлы ружья. Къ довершенію всего, въ самомъ укрѣпленіи, 21 числа въ 7 часовъ утра, вдругъ вспыхнулъ пожаръ, скрывшій Геленджикъ въ непроницаемую мглу окутавшаго его дыма. Оказалось, что загорѣлись бунты провіантскаго магазина, при чемъ огонь угрожалъ баталіонному пороховому погребу, до котораго начинали долетать искры отъ горѣвшихъ роговъ и цыновокъ. Императоръ въ это время стоялъ на балконѣ своей квартиры и любовался смѣлостью и отвагою нижнихъ чиновъ, которые, ободряемые его присутствіемъ и руководимые его указаніями, вытаскивали изъ погреба бочки съ порохомъ и ящики съ патронами. Къ 11 часамъ пожаръ, наконецъ, прекратился и государь отправился въ лагерь. Подъѣхавъ къ войскамъ, онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ по линіи вдоль фронта, имѣя по правую руку наследника. Вѣтеръ въ это время дулъ прямо въ лицо войску съ такою силою, что солдаты съ трудомъ удерживались на ногахъ и при крикахъ «ура!» невольно отворачивались въ сторону, при чемъ многіе закашливались и строили гримасы; ружья-же держали на караулъ только лѣвою рукою, а правую придерживали фуражки. Кто это не дѣлалъ, тотъ стоялъ съ обнаженною головою, такъ какъ вѣтеръ уносилъ фуражки въ море. Обойдя войска, государь направился къ палаткѣ, которую съ величайшими усиліями удерживала пѣлая сотня казаковъ. Послѣ завтрака императоръ вышелъ къ войску и скомандовалъ:

— Войска, дѣти, ко мнѣ, кто какъ есть и въ чемъ понало!

Мгновенно всѣ бросились къ его величеству и окружили его густою толпою; нѣкоторые даже влѣзли и помѣстились на деревьяхъ. Государь благодарилъ солдатъ за усердную службу, со многими офицерами вступалъ въ разговоръ, а генерала Вельяминова обнялъ и поцѣловалъ.

Вечеръ этого дня былъ посвященъ занятію дѣлами, а 22-го государь простился съ высшими чинами и, осѣнивъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, на лодкѣ азовскихъ казаковъ, при несмолкаемыхъ крикахъ «ура», отправился на ожидавшій его пароходъ, который, не долго спустя, скрылся на горизонтѣ.

23-го числа императоръ посѣтилъ Анапу, гдѣ, въ сопровожденіи коменданта гр. Цукато, посѣтилъ крѣпость, госпиталь и произвелъ смотръ гарнизону. Утромъ того же дня его величество отплылъ въ Крымъ и, разставшись тамъ съ наследникомъ, 25-го сентября сѣлъ на пароходъ «Полярная звѣзда» и направился въ Редутъ-кале.

II.

Слухи въ Грузіи о прѣздѣ императора Николая на Кавказъ.—Предварительныя распоряженія къ приему государя.—Поѣздка корпуснаго командира барона Розена въ Редут-кале.—Остановка въ Горп.—Курьезный случай съ профессоромъ Кохомъ.—Прибытіе императора въ Редут-кале.—Его свита.—Зугдиди.—Бутакъ.—Малитъ.—Сурамъ.—Ахалкалаки.—Гумри.—Заложеніе церкви во имя св. Александры и переименованіе города въ Александрополь.—Приемъ турецкаго сераскира Мамед-Асад-паши.—Мастара.—Сардар-абадъ.—Поднесеніе Государю ошпаннаго пѣтуха.—Эчмиадзинъ и патріархъ Іоаннесь.

Въ Грузіи уже давно поговаривали о предположеніи императора Николая посѣтить Кавказъ, но слухамъ этимъ не придавали особеннаго значенія, пока, наконецъ, письмо гр. Чернышева, отъ 18 марта 1837 года, къ тогдашнему корпусному командиру барону Розену, не разсѣяло всѣ на этотъ счетъ сомнѣнія. Въ Тифлисѣ немедленно была учреждена комиссія ¹⁾ подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Фролова, съ обязанностью изыскать средства къ безостановочному проѣзду государя и устройству встрѣчи согласно высочайшей волѣ. Главная при этомъ забота комисіи состояла въ приведеніи въ относительно удовлетворительное состояніе путей сообщенія, хотя въ какіе нибудь 5, 6 мѣсяцевъ немислимо было что нибудь сдѣлать тамъ, гдѣ дороги находились въ первобытномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе работа закипѣла по всему тракту высочайшаго проѣзда, порученнаго особенному попеченію ген. Лачинова. Но лихорадочная суета охватила всѣ учрежденія, не исключая даже духовнаго, которое, вслѣдствіе общаго искоренившагося суевѣрія, распорядилось, чтобы во время пребыванія государя императора въ Тифлисѣ, духовные, во избѣжаніе всякихъ съ нимъ встрѣчъ, не дерзали показываться на улицахъ.

¹⁾ Членами комисіи были: генералъ-лейтенанты Гессе и Брайко; генералъ-майоры кн. Ваграціонъ-Мухранскій, атаманъ Донскихъ казацкихъ полковъ Деоновъ, Васильковскій и Лачиновъ; полк. Семчевскій; д. с. с. кн. Палавандовъ, с. с. Васильковскій и в. а. Клементъ. А. д. В.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

ВЪ КРѢПОСТИ АНАПЪ.

1837 г.

Помѣщаемъ настоящій рассказъ, записанный г-жею Е. Заринной, рожденной Новиковой, со словъ ея матери, современницы и очевидца посѣщенія императоромъ Николаемъ крѣпости Анапы, какъ иллюстрацію къ сказанному, но весьма интересному сказанію Ад. П. Берже о путешествіи этого государя вообще по Кавказу въ 1837 г. (См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLIII, августъ, стр. 377—398).

Сказаніе Адольфа Петровича Берже основано исключительно на свидѣтельствѣ подлинныхъ документовъ. Настоящій рассказъ, касаясь одного лишь эпизода, является устнымъ преданіемъ, легендою, сложившеюся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ въ умахъ обитателей Анапы августѣйшимъ ея посѣтителемъ.

Ред.

I.

Въ 1837 году, въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, въ крѣпости Анапѣ было получено извѣстіе, что ее посѣтитъ въ сентябрѣ того же года государь императоръ Николай Павловичъ, возвращавшійся тогда изъ своего путешествія по Кавказу, въ сопровожденіи наслѣдника, нынѣ въ Бозѣ почившаго Царя-Освободителя.

Комендантомъ этой крѣпости въ то время былъ графъ Цукато, а плацъ-майоромъ мой отецъ, штабсъ-капитанъ Новиковъ.

Быстро облетѣла жителей небольшой крѣпости радостная вѣсть и въ тотъ же вечеръ графиня, жена коменданта, пригласила мою матушку съ двумя другими ассистентками, тоже полковыми дамами, для обсужденія вѣкоторыхъ хозяйственныхъ вопросовъ.

Въ то же время комендантъ, съ плацъ-майоромъ и казначеемъ, под-

вергалъ обсужденію вопросы иного порядка: какъ и что сдѣлать—что за чѣмъ должно слѣдовать, какъ кому себя держать и даже говорить. Было рѣшено: привести въ порядокъ наружный видъ крѣпости, гдѣ нужно выбѣлить, гдѣ нужно поприбрать и вычистить. Главнѣе всего нужно было обновить весь домъ самого коменданта для приѣма августѣйшихъ гостей. Хотя работы предстояло и много, но вѣ времени и распоряженіи оставалось довольно.

Положили выписать изъ Тифлиса растенія и цвѣты, а также и разные припасы и хорошаго повара на подмогу графскому, причѣмъ для исполненія всѣхъ этихъ порученій былъ командированъ туда издежный офицеръ.

Матушка моя, какъ первая въ кругу полковыхъ дамъ послѣ графини и къ тому же большая хозяйка, — была назначена распорядительницею по хозяйству. Нечего и говорить, что матушка приняла такое назначеніе съ большимъ удовольствіемъ и тотчасъ же занялась выкормкою для предстоящаго угощенія высокихъ гостей нѣсколькихъ индюшекъ, достала потомъ только что родившагося телка и стала его отпаивать цѣльнымъ молокомъ съ примѣсью миндальнаго; индюшекъ откармливала особыми галушками, сдѣланными изъ пшеничнаго тѣста смѣшаннаго съ мелко-истолченными грецкими орѣхами и миндалемъ.

Г-жа Глушкова, тоже одна изъ полковыхъ дамъ и тоже хорошая хозяйка, взялась откормить нѣсколькихъ куръ, утокъ и поросятъ.

Ни одного дня не проходило безъ того, чтобы не пришла къ матушкѣ какая нибудь полковая дама съ предложеніемъ какой либо услуги: одна изъ нихъ увѣряла, что лучше ея никто во всемъ мірѣ не приготовить заливнаго; другая—что умѣетъ готовить очаровательный соусъ изъ рябчиковъ и т. д.

Къ отдѣлкѣ дома графа Цукато приступили немедленно. Стѣны и потолки назначенныхъ для августѣйшихъ гостей апартаментовъ обили бѣлымъ атласомъ съ золотыми кантиками и широкимъ золотымъ бордюромъ вверху. По стѣнамъ тянулись гирлянды изъ живыхъ цвѣтовъ, привезенныхъ наканунѣ приѣзда государя изъ Тифлиса; вся мебель для этихъ комнатъ, выписанная оттуда же, была обита голубымъ бархатомъ. Надъ однимъ изъ дивановъ красовался вензель государя императора и государыни императрицы, изящно подобранный изъ бѣлыхъ и розовыхъ розъ. Надъ красивымъ золоченымъ письменнымъ столомъ былъ помѣщенъ вензель государя наследника, сдѣланный также искусно изъ незабудокъ и ландышей.

Къ встрѣчѣ августѣйшихъ гостей и къ завтраку въ домѣ графа были приглашены изъ полковыхъ дамъ только четыре: моя матушка, жена казначея—Фирсова, жена штабсъ-капитана Лудкова—молодая

бойкая москвичка и жена полковаго доктора. Всѣ наряды приглашенныя дамы выписали себѣ изъ Тифлиса, а графиня—изъ Петербурга.

Прежней крѣпости Анапы и узнать было нельзя;—она совершенно приняла праздничный видъ;—всѣ зданія ея были вычищены, выбѣлены, улицы подметены и растущая по нимъ кое-гдѣ травка подчищена; свободныя дотолѣ путешествія по всему городу коровъ, свиней и разныхъ пернатыхъ—были воспрещены.

Но какъ ни заняты были всѣ жители Анапы приготовленіемъ къ предстоящему торжеству, тѣмъ не менѣе казалось, что время тянется слишкомъ долго.

Наконецъ наступилъ сентябрь; прїѣздъ государя считался уже днями, погода стояла жаркая, кругомъ свѣжая зелень и сочные плоды на деревьяхъ, но по временамъ дулъ сильный вѣтеръ и море было непокойно. Въ первыхъ числахъ сентября графомъ была получена эстафета, что государь императоръ изволилъ благополучно прибыть въ Геленджикъ, гдѣ и остановится на вѣсколько дней, пока не успокоится море.

Въ эстафетѣ значился тоже приказъ, чтобы при встрѣчѣ августѣйшаго гостя не салютовать изъ онасенія, чтобы не повторилось только что случившагося происшествія въ Геленджикѣ. Тамъ къ прїѣзду государя было стянуто войско до двѣнадцати тысячъ (да и помимо прїѣзда государя—тамъ войскъ было много, по случаю непрерывныхъ въ то время экспедицій). При встрѣчѣ императора, во время салютованія, одинъ изъ тлѣвшихъ пыжей (тогда ружейные патроны были бумажные) попалъ какъ-то въ склады военнаго прованта и въ какіе нибудь полчаса—часъ, при содѣйствіи сильнаго вѣтра, сгорѣли почти всѣ хлѣбныя войсковыя запасы. Хотя на пожарѣ и присутствовалъ самъ государь императоръ и чтобы прекратить пожаръ были употреблены войсками просто нечеловѣческія усилія, тѣмъ не менѣе разгулявшаяся огненная стихія лишила значительной части заготовленнаго для солдатъ продовольствія и начальство принуждено было сдѣлать немедленное распоряженіе о подвозѣ необходимаго количества хлѣбнаго зерна, муки, овса, сѣна и соломы въ Геленджикъ изъ Ялты и другихъ ближайшихъ мѣстъ.

Покойная государыня находилась въ то время въ Орляндѣ и, боявшись отпустить государя наследника въ дальнѣйшее путешествіе по Черному морю, въ эту пору года по обыкновенію весьма бурному, пожелала, чтобы онъ прибылъ къ ней сухимъ путемъ.

Желаніе государыни императрицы было исполнено и государь прибылъ въ Анапу безъ государя наследника, только со своею свитою. Хотя изъ Геленджика можно проѣхать въ Анапу и сухимъ путемъ, но эта дорога, извивающаяся по высокимъ горамъ и надъ глубокими про-

пастями, представлялась, особенно въ то время, далеко не безопасною и сверхъ того на такой переѣздъ потребовалось бы не менѣе тридцать сутокъ. А потому государь выбралъ путь моремъ и долженъ былъ прибыть въ Анапу на военномъ кораблѣ къ пристани, находившейся у такъ называемой «красной батарей».

II.

Въ день пріѣзда августѣйшаго гостя,—это было 23-го сентября 1837 года, — съ самаго утра всё дома крѣпости разукрасились флагами, разными цвѣтными матеріями и пестрыми персидскими коврами; народъ толпился у пристани и на улицѣ, по которой долженъ былъ проѣхать государь.

Какъ будто сама природа раздѣляла общую радость. Море было покойно; въ воздухѣ не шелохнетъ, день былъ жаркій,—ни одного облачка на голубомъ небѣ.

Домъ графа Цукато былъ увѣшанъ флагами и среди нихъ виднѣлся роскошный вензель государя императора и государыни императрицы, изящно подобранный изъ живыхъ цвѣтовъ.

Крыльцо и площадка дома до самой улицы, гдѣ должна была остановиться коляска съ дорогимъ августѣйшимъ гостемъ, были устланы краснымъ сукномъ и уставлены тропическими растеніями, образующими собою какъ-бы аллею.

Съ десяти часовъ утра всё находящіяся въ крѣпости войска были въ полномъ сборѣ и разставлены по мѣстамъ.

Приглашенныя къ встрѣчѣ государя дамы были уже у графини. Всѣ онѣ были одѣты въ свѣтлыя шелковыя платья съ пышными рукавами, съ высокими прическами, по тогдашней модѣ, и еще болѣе высокими гребнями въ волосахъ. На самой графинѣ былъ нарядъ, только что присланный изъ Петербурга и сдѣланный по послѣдней модѣ, какъ носили въ то время при высочайшемъ дворѣ: бѣлый атласный, затканый золотомъ. Высокій гребень, украшавшій роскошные волосы графини, былъ усыпанъ жемчугомъ и рубинами. Графиня была высокаго роста, нѣсколько полная, весьма стройна и красива собой.

Собравшіяся у графини барыни разиѣстились у открытыхъ оконъ, изъ которыхъ была видна полковая церковь. На паперти ея въ полномъ облаченіи стоялъ полковой священникъ съ крестомъ въ рукахъ, окруженный причтомъ. Съ каждою минутою ветерпѣніе ожидающихъ разгоралось все болѣе и болѣе; высказывалось даже опасеніе: «ну какъ не пріѣдетъ?»..

Но вотъ въ одиннадцатъ часовъ раздался, наконецъ, выстрѣлъ изъ фрѣпостной пушки, возвѣстившій прїѣздъ державнаго гостя. Музыка заиграла, только что въ то время разученный для прїѣзда государя императора, народный гимнъ «Боже Царя храни!», сочиненный и игранный въ первый разъ въ 1833 году 25-го декабря, при освященіи знамени въ залахъ Зимняго дворца. Торжественная музыка слилась съ восторженными криками ура!... Государь императоръ, по перекинутому съ корабля трапу, вышелъ на пристань, окруженный своею свитою.

Но едва только показалась на берегу величественная фигура монарха, какъ молодой прапорщикъ, только что произведенный и стоявшій въ то время на посту у штандарта, совершенно обезумѣвъ отъ радости, что видитъ государя такъ близко и въ первый разъ въ жизни, забылъ приказъ коменданта, нахнулъ платкомъ, штандартъ подняли, грянули пушки со всѣхъ батарей и пошла пальба!

Графъ и мой отецъ поблѣднѣли, лица ихъ вытянулись... Государь на мгновеніе остановился на мѣстѣ и, сдвинувъ брови, строго взглянулъ на графа. Но графъ уже успѣлъ опомниться и нашелся.

— Молодой, только что произведенный, прапорщикъ, сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу твердость, — такъ обрадовался, увидавъ ваше императорское величество, что забылъ данное ему приказаніе.....

— На гауптвахту! отрывисто перебилъ государь.

Затѣмъ были поданы экипажи. Государь императоръ изволилъ сѣсть въ коляску вмѣстѣ съ графомъ Цукато и приказалъ ѣхать въ церковь. Начался звонъ въ колокола; народъ колыхнулся, взвились шапки въ воздухъ и раздалось продолжительное, громкое ура!

Выслушавъ молебень и приложившись къ кресту—государь изволилъ поѣхать сначала по бастіонамъ. На бастіонѣ, что съ полевой стороны, государь изволилъ выйдти изъ коляски и нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ зрительную трубку на окрестности. Осмотрѣвъ бастіоны, государь подѣхалъ къ выстроившимся войскамъ, отдавшимъ ему честь.

— Здорово ребята! — звучно крикнулъ государь.

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество, — громко и дружно отвѣчали ряды войскъ.

Затѣмъ его величество изволилъ скомандовать пройдти войскамъ церемоніальнымъ маршемъ. Стройными рядами прослѣдовали два раза загорѣлые молодцы-кавказцы мимо государя императора и каждый разъ удостоились царскаго спасибо и милостиваго одобренія: «Хорошо!» «молодцы!»....

Государь видимо остался доволенъ рѣшительно всѣмъ, что онъ только видѣлъ. По окончаніи смотра, государь посѣтилъ госпиталь,—

обошелъ всѣ палаты, милостиво разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ больныхъ, спрашивалъ раненныхъ, гдѣ и въ какой экспедиціи раны были получены и двумъ изъ солдатъ самолично пожаловалъ по георгіевскому кресту. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ на смотру, а въ томъ числѣ и лежащимъ въ госпиталѣ, государь приказалъ выдать по серебряному рублю.

Было половина второго, когда коляска государя остановилась передъ домомъ графа Цукато. Последний поспѣшно изъ нея выскочилъ съ тѣмъ, чтобы помочь государю выйти изъ экипажа, во государь, отстранивъ это, вышелъ самъ. Столпившаяся близъ дома графа масса народа, — а здѣсь были буквально всѣ жители Анапы, отъ мала до велика, — снова привѣтствовала государя несмолкаемымъ «ура!» На нижнихъ ступеняхъ крыльца встрѣтила и восторженно привѣтствовала дорогого державнаго гостя графиня Цукато.

Государь былъ въ веселомъ расположеніи духа, онъ любезно отвѣчалъ на привѣтствіе, подавъ графинѣ руку и ввелъ ее въ гостиницу, гдѣ имѣли честь быть представленными его величеству хозяйкою дома названныя выше полковныя дамы и предложенъ августѣйшему гостю роскошно сервированный завтракъ.

Государь сѣлъ за столъ и между прочими закусками обратилъ свое вниманіе на жаренную индѣйку, которая ему особенно понравилась. Впослѣдствіи это сдѣлалось любимымъ конькомъ моей матушки: она съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминала, какъ самъ государь императоръ Николай Павловичъ изволилъ кушать и похвалить изжаренную и откормленную ея собственными руками индѣйку, любила рассказывать этотъ случай и всегда рассказывала его съ мельчайшими подробностями.

Во время завтрака графомъ Цукато были предложены тосты за государя императора, государыню императрицу, государя наследника и весь царствующій домъ. Каждый изъ этихъ тостовъ сопровождался тушемъ, который играла военная музыка, поставленная у оконъ графскаго дома. Государь при провозглашеніи каждаго изъ тостовъ изволилъ приподниматься съ своего мѣста и милостиво чокаться съ подходящими къ нему присутствующими.

Затѣмъ его величество приподнялся и, поднявъ бокалъ, громко провозгласилъ:

— «За здоровье моихъ храбрыхъ кавказскихъ войскъ»!!!

Оглушительное «ура» всѣхъ присутствовавшихъ на завтракѣ, подхваченное войсками, находившимся внѣ дома, — которымъ было дано знать, что государь императоръ пьетъ за ихъ здоровье, — было отвѣтомъ на тостъ, провозглашенный государемъ императоромъ.

Государь императоръ снова поднялся съ мѣста и, поднявъ бокаль, любезно обратился къ графинѣ и провозгласилъ тостъ за здоровье любезной хозяйки.

Послѣ завтрака государь изволилъ милостиво разговаривать съ своимъ отцемъ и другими офицерами, — выразилъ графу Цукато свое полное удовольствіе за отличное состояніе полка и порядка вѣренной ему крѣпости, осмотрѣлъ потомъ приготовленныя для него и государя наследника комнаты, присѣлъ на диванъ, выкушалъ тамъ чашку шоколада, при чемъ пожурилъ слегка графиню за излишнюю роскошь, допущенную въ отдѣлкѣ комнатъ, и весело шутилъ съ дамами.

Въ четверть пятого его величество приподнялся съ своего мѣста, протянулъ графинѣ и графу свою руку и, простившись со всѣми однимъ общимъ поклономъ, въ сопровожденіи графа и всѣхъ присутствующихъ вышелъ на крыльцо, къ которому была подана коляска, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей. Громкое «ура!» собравшагося войска и жителей крѣпости снова встрѣтило появленіе государя на крыльцѣ графскаго дома.

Государь императоръ уже сталъ одною ногою на подножку коляски, во вдругъ остановился в, обернувшись къ стоявшему за нимъ графу, сказалъ:

— Прапорщика выпустить и дать ему годовой окладъ жалованья; но внушить, чтобы впередъ приказанія начальства помнить и напрасно пороха не тратилъ...

Графъ поклонился. Государь сѣлъ въ коляску и лошади тронулись. Несмолкаемое громкое ура всѣхъ войскъ и жителей долго оглашало воздухъ.

Его величество изъ Анапы уѣхалъ въ Пятигорскъ. Графъ провожалъ государя до первой станціи.

III.

Впечатлѣніе, оставленное государемъ въ Анапѣ, было самое пріятное, особенно въ восторгѣ были дамы.

Чтобы еще болѣе ознаменовать это событіе, графиня Цукато устроила на другой день балъ и пригласила на него всѣхъ офицеровъ съ ихъ семействами. На этомъ балѣ случилось, между прочимъ, слѣдующее происшествіе.

Нѣкоторые изъ офицеровъ были женаты на казачкахъ, весьма иногда красивыхъ и нерѣдко очень богатыхъ, но, въ большинствѣ случаевъ, лишенныхъ всякаго образованія и никогда не бывавшихъ ни въ какомъ свѣтскомъ обществѣ.

Хотя графиня была вообще дама очень любезная и обходилась со всѣми весьма просто, тѣмъ не менѣе приглашеніе къ ней на балъ всполошило всѣхъ. Въ особенности была поражена этимъ приглашеніемъ жена прапорщика Усачева, красавица собою, лѣтъ восемнадцати,—годъ какъ замужемъ, она до тѣхъ поръ нигдѣ не бывала,—а тутъ вдругъ пригласили ее въ такое большое и свѣтское общество. Сначала она пыталась было даже отказаться отъ такой чести, но нужъ требовалъ поѣздки на балъ безусловно.

Но какъ же все устроить? во что нарядиться? какъ войти въ гостиную графини? какъ поклониться, что говорить? Усачева никакъ не могла рѣшить всѣхъ этихъ вопросовъ. Чтобы помочь горю, мужъ посоветовалъ ей обратиться къ полковой казначейшѣ Фирсовой: «она часто бываетъ у графини», говорилъ ей мужъ, «ей извѣстны всѣ приличія и знаетъ какъ нужно одѣться, чтобы не быть хуже другихъ».

Жена послушалась; не теряя время, она отправилась къ Фирсовой и черезъ два часа вернулась отъ нея веселая и довольная.

Въ назначенный для бала часъ, домъ графини былъ иллюминированъ; играла музыка; сѣзжались гости; комнаты были полны приглашенныхъ. Графиня съ одною пріѣзжею дамою изъ Тифлиса сидѣла на диванѣ,—по обѣ стороны на креслахъ размѣстились: моя матушка, жена полкового доктора и жена одного ротнаго командира г. Луцкаго. Разговоръ шелъ оживленный; вспоминали до мельчайшихъ подробностей,—кому и что сказалъ государь императоръ, на кого какъ посмотрѣлъ, какъ онъ шелъ съ графиней подъ руку, какъ вошелъ въ приготовленные для него комнаты, что онъ говорилъ по поводу ихъ отдѣлки, какъ кушалъ шоколадъ и т. д.

Вдругъ графиня закусила нижнюю губу и покраснѣла; дамы, сидѣвшія около нея, тоже закрыли свои рты платками,—дама изъ Тифлиса едва удерживалась отъ смѣха. Вниманіе всѣхъ было сосредоточено на Усачевой, которая, войдя въ гостиную въ шелковомъ платьѣ, ярко-зеленаго цвѣта, съ невозможною отдѣлкою изъ пунцовыхъ и желтыхъ лентъ, остановилась среди комнаты и, снявъ съ головы чепчикъ съ пунцовыми лентами, присѣдала, вертѣлась и кланялась на всѣ стороны.

Графъ, мой отецъ и полковой священникъ, ходившіе по залѣ, остановились въ дверяхъ гостиной и, слѣдя за потѣшными эволюціями Усачевой, чуть не хохотали... Между тѣмъ, раскланявшись на всѣ стороны, Усачева снова надѣла на свою голову высокій чепецъ и скромно сѣла на близъ стоявшій стулъ.

Фирсова, поглядывая кругомъ, весело улыбалась. Графиня, вся пунцовая, подошла къ Усачевой и, взявъ ее за руку, повела за собою.

Перепуганная до крайности, Усачева покорно слѣдовала за графиней въ ея будуаръ, гдѣ любезная хозяйка усадила ее около себя на диванъ и ласково спросила: «кто это научилъ ее такъ одѣться и такъ войти къ ней въ гостиную?»

— Простите, ваше сіятельство! можетъ быть я не такъ поклонилась, скороговоркой оправдывалась Усачева. Мнѣ, вѣроятно, надо было поклониться сначала графу...

— Нѣтъ, нѣтъ, — этого совсѣмъ не надо было дѣлать, перебила графиня.

Усачева съ недоумѣніемъ глядѣла въ лицо графини.

— Какъ! неужели ничего этого не надо было дѣлать? рѣшилась она выговорить.

— Конечно ничего! но кто-же васъ всему этому научилъ?

— Меня научила Аделанда Александровна, сказала Усачева и тутъ же рассказала подробно—все какъ было—какъ учила ее Фирсова войти въ гостиную, какъ кланяться, съ какими лентами чепецъ надѣть и во что одѣться.

Оказалось также, что веселая барыня даже учила ее расшаркнуться съ графомъ по-мужски, но что она, Усачева, сконфузилась и забыла это сдѣлать.

Результатомъ этой шутки было, однако, то, что мужа Фирсовой перевели чрезъ нѣсколько дней изъ Анапы въ другую крѣпость—Джемитеевскую, а Усачева сдѣлалась любимицею и ежедневною посѣтительницею графини Цукато.

Е. И. Зарина.
